

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО МАКРОРЕГИОНА

Демьяненко А. Н., Ярулин И. Ф.,

профессор, д.г.н., г. Хабаровск; профессор, д полит. н., Хабаровск

Аннотация. Авторами предпринята попытка выявить и оценить влияния геополитических факторов на формирование механизмов устойчивого развития Дальнего Востока России (ДВР) в контексте процессов, формирующих геополитический ландшафт Северо-Восточной Азии (СВА). По нашему мнению, геополитические факторы определяют, определяют и в обозримом будущем будут определять социально-экономическую динамику ДВР. Поэтому формирование институтов устойчивого развития предполагает не только формирование принципиально новой концепции, должным образом учитывающей специфику геополитического ландшафта СВА, но и своего рода научное сопровождение её реализации.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, Северо-Восточная Азия, геополитика, безопасность, устойчивое развитие.*

GEOPOLITICAL FACTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE FAR EASTERN MACROREGION

Demyanenko A. N., Yarullin I. F.,

Professor, Doctor of Geographical Sciences, Khabarovsk; N., Khabarovsk

Annotation. The authors attempted to identify and assess the influence of geopolitical factors on the formation of mechanisms for sustainable development of the Russian Far East (FER) in the context of processes that shape the geopolitical landscape of Northeast Asia (NEA). In our opinion, geopolitical factors have determined, are determining and will determine the socio-economic dynamics of the FER in the near future. Therefore, the formation of institutions for sustainable development presupposes not only the formation of a fundamentally new concept that duly takes into account the specifics of the geopolitical landscape of NEA, but also a kind of scientific support for its implementation.

Keywords: *The Russian Far East, Northeast Asia, geopolitics, security, sustainable development.*

Введение. Происходящие в настоящее время изменения в системе международных отношений все чаще подтверждают тезис о возрастании роли регионов в формировании новой конфигурации складывающегося миропорядка. К сказанному следует добавить, что упомянутые изменения отличаются высоким уровнем динамизма и зачастую их трудно предвидеть и еще труднее предсказать их последствия.

ДВР в этом отношении представляет особый интерес уже в силу того, что на протяжении всей истории макрорегиона он эволюционировал под влиянием геополитических факторов. Поэтому в явном виде ощущается потребность в создании научно обоснованной геополитической концепции развития ДВ России [15], которая, по нашему мнению, должна стать своего рода ядром долгосрочной стратегии социально-экономического развития макрорегиона¹.

¹ В статье П.Я. Бакланова и В.Л. Ларина [4], посвященной анализу проблем дальневосточных районов в российско-китайских взаимодействиях, содержится ряд положений, которые имеют не только отношение к двусторонним отношениям. Во-первых, «Осознание совпадающих интересов еще не гарантирует их реального совмещения. Недостаточно и политической воли с обеих сторон. Тут не обойтись без фундаментальной науки. Назрело и даже перезрело создание научно обоснованной стратегии приграничного взаимодействия России с Китаем». От себя добавим: не только с Китаем. Во-вторых, «основные положения [стратегии] должны формулироваться на уровне дальневосточных регионов, которые более всего заинтересованы в связях с

А лучшим свидетельством того, что такого рода стратегия необходима – положение дел с «Поворотом на Восток», который обернулся «недоповоротом» и предложениями со стороны части экспертного сообщества о Повороте на Восток 2.0². Причины, скажем так, неуспеха с «Поворотом на Восток» многообразны. Но, есть как минимум, две, на которые следует обратить особое внимание. Первая – такого рода трансформационные процессы, которые проистекают из смены геополитического вектора развития РФ³, крайне сложны. Вторая – отсутствовал должный научный задел. В результате «Поворот на Восток» превратился в ряд слабо увязанных между собой мер регулятивного воздействия, имеющих по сути реактивный, но не стратегический характер. А сам «Поворот на Восток» все более превращается в «Поворот на Китай».

Авторы данного доклада отдают себе отчет в том, что разработка геополитической концепции развития ДВР – это задача, требующая совместных усилий не только экономистов (как это имеет место сейчас), но и специалистов в области политических и социальных наук, истории и географии. И мы ни коим образом не претендуем на то, что наши предложения – истина в последней инстанции, наша задача много скромнее – привлечь внимание коллег к проблеме и предложить возможные подходы к ее решению. При этом мы имеем в виду еще и то обстоятельство, которое самым непосредственным образом связано с разработкой геополитической концепции, а именно: формирование организационных структур, которые берут на себя ответственность за ее разработку. И опять-таки необходима оговорка: авторы ни коим образом не берутся за непосильную для них ношу – проектирование такой системы, мы посчитали возможным остановиться на тех принципах, которые стоит обсуждать при ее проектировании.

Материалы, методология и методы. Начнем с того, что зафиксируем: в настоящее время не приходится говорить о каком-либо общепринятом методологическом подходе к исследованию влияний геополитических факторов на макрорегионы, подобные ДВ, равно как и влияния последних на геополитический ландшафт таких субглобальных регионов как СВА. Более того, СВА – это регион, в отношении которого существуют самые различные трактовки относительно его границ, поэтому есть смысл уделить несколько слов тому, что мы понимаем под СВА. Если речь о СВА, то хотим мы того или нет, но нам приходится для начала признать, что есть Восточная Азия, частью которой и является СВА. Более того, и Восточная Азия в свою очередь в геополитических построениях все чаще рассматривается как часть Индо-Пацифики и т.д. Так далеко заходить в этом направлении мы не готовы. Поэтому рассуждая о границах СВА, мы опирались на следующие положения: первое – нет возможности проведения однозначных и точных границ геополитических регионов, второе – выделение геополитических регионов должно опираться помимо всего прочего на физико-

китайскими партнерами и будут реализовывать их на практике» [4, с. 14]. То, что уровень регионов, несомненно, важен, тем не менее – это, вовсе, не отменяет необходимость общей дальневосточной стратегии.

² Из самого что ни есть последнего – статья Караганова и Казылова [18] весь пафос которой сводится, что причина недоповорота заключается в том, что не тот объект регулирования был выбран, поэтому нужна «сибиризация» России. А чтобы «сибиризация» была успешной «... пора заставить правящую элиту осуществить необходимое – ускорить сдвиг центра духовного, ценностного, человеческого, экономического развития России туда, где он определен быть историей, Богом и современным миром – к Приуралью и всей Сибири» [18, с.229]. Ну, что тут скажешь? Только одно: на Бога надейся, да сам не плошай!

³ Здесь вряд ли уместно останавливаться на причинах смены геополитического вектора – это требует отдельного рассмотрения и у нас нет желания останавливаться как бы мимоходом на этом крайне сложном и актуальном вопросе. Возможно, но именно возможно, и с академическим сообществом и политическими элитами причем не только в КНР и РФ скверную шутку сыграла неверная оценка причин и последствий мирового экономического кризиса 2008-2010 гг.: они приняли циклический кризис за системный.

географическую основу⁴ и геополитическое положение⁵. В итоге, мы получили геополитический регион в границах ДВР (без Забайкалья и Якутии), Северо-Восточный Китай с побережьем Бохайского залива, Корейский полуостров, Японский архипелаг. Но и это не все, так как этот регион должен включать и акватории Берингового, Охотского, Японского и Желтого морей, то есть мы имеем дело с акваториальными системами.

Теоретические основания данного исследования достаточно эклектичны, это – с одной стороны, традиционный для системы географических наук набор теоретических концепций, прежде всего региональной концепции и концепции ландшафта, с другой – не менее традиционный набор геополитических концепций, от Х. Маккиндера [21] и Н. Спикмэна [25] до С. Хантингтона [26] и Ф. Броделя [8].

Что же касается методологии и аналитического инструментария, то и в этом случае все достаточно традиционно. Мы исходили из того, что - СВА, в целом и ДВР, в частности, представляют собой сложные пространственные системы, а их исследование по причине сложности и многоаспектности объекта исследования должны иметь междисциплинарный характер, а в качестве своеобразной платформы междисциплинарного синтеза нами была принята теория сложных систем.

Здесь следует сделать паузу и по необходимости кратко дать своего рода обзор источников. В рамках доклада просто невозможно дать всесторонний анализ источников, имеющих непосредственное отношение к геополитическим аспектам стратегии регионального пространственного развития РФ уже в силу того, что информационный массив необычайно обширен и крайне разнообразен по тематике исследований⁶.

К тому же большинство работ опубликовано до февраля 2022 года) и не могут в полной мере ответить на вопросы, которые имеются сегодня. Поэтому нам пришлось уделить особое внимание тем публикациям, которые появились в последние годы в сетевых изданиях, не только информационных агентств, но и аналитических центров [29,30,35-39,48].

Результаты и их обсуждение.

Начнем с констатации: в настоящее время геополитический ландшафт СВА находится в состоянии трансформации, что сопровождается перегруппировкой геополитических позиций в регионе и повышением потенциала конфликтогенности. Как справедливо отмечает В. Ларин, «Восточная Азия или, оперируя модными ныне терминами, Восточная Евразия стоит на пороге существенных изменений как своего места в мировой политической и экономической системе, так и характера внутрорегиональных связей. Четыре великих державы, считающие этот небольшой по площади регион сферой своих жизненных интересов, – Китай, Россия, США и Япония – никак не найдут приемлемую платформу для превращения его в зону мирного и стабильного развития» [40]. Ситуация может оказаться еще более напряженной, так как китайско-американские торговые войны могут привести эти две крупнейшие в экономическом отношении страны в ловушку Фукидида⁷.

⁴ Здесь трудно удержаться от того, чтобы не напомнить слова Х. Маккиндера из его доклада в Королевском географическом обществе в 1904 г.: «...невозможна рациональная политическая география, которая не опирается на физическую географию и не является ее следствием» [21, с.11]. О роли природных факторов на формирование геополитического ландшафта из более близких нам по времени работ следует упомянуть [11,17,25].

⁵ О том, что есть «геополитическое положение» и о его влиянии на региональную динамику, в частности ДВР, отсылаем к работам П.Я. Бакланова и его коллег [1-5].

⁶ Здесь будет уместным обратить внимание на статью В.Л. Ларина [20], в которой содержится обзор работ преимущественно (но не только) дальневосточных исследователей последних лет по интересующей нас тематике. Правда, по не известным авторам причинам В.Л. Ларин оставил за пределами своего обзора публикации сотрудников ТИГа [1-5]. Кроме того, мы считаем необходимым упомянуть ряд работ предшествующих лет, как отечественных [10, 22, 23, 27,40], так и зарубежных исследователей [24, 28, 31-34, 40-47].

⁷ Подробно о ловушке Фукидида [29].

В конце концов усиливающееся стратегическое соперничество между США и Китаем может принести значительные политические риски региональному порядку в СВА⁸.

Поэтому говорить об устоявшейся геополитической картине в регионе преждевременно. Но попытаться выявить фундаментальные факторы, определяющие основные направления эволюции геополитического ландшафта АТР и место ДВР в оном, следует, уже по той причине, что этот регион приобретает ключевое место в мировой политике и экономике и имеет огромное значение для всех участников международных отношений.

Несмотря на сложности мы видим и возможности для расширения экономического сотрудничества, научно-технического обмена и культурного взаимодействия. Крайне важным является выстраивание нового уровня взаимоотношений России со странами региона, что предполагает, как уже отмечалось выше, формирование геополитической концепции и стратегии развития ДВР.

По-нашему мнению, такая концепция должна сформулировать долгосрочные и среднесрочные цели развития ДВР, уделяя особое внимание не столько конкурентным преимуществам региона, сколько рискам, особенно когда речь идет о среднесрочной стратегии⁹.

Авторы придерживаются той точки зрения, что долгосрочная стратегия должна исходить из оценки геополитических факторов как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе.

А так как в обозримой перспективе геополитическая ситуация может развиваться, как минимум, по двум основным сценариям: продолжение процессов формирования противоборствующих альянсов во главе с США и КНР или снижение уровня конфронтации в СВА и формирование условий для внутри региональных интеграционных процессов. Наконец, возможен третий сценарий, предполагающий возврат США к дипломатии «треугольника».

Если будет реализован первый сценарий, то можно ожидать если и развитие, то поддержание на нынешнем уровне интеграционных процессов в пределах трансграничного региона (ТР)¹⁰ «Юг ДВ – СВК». При этом экономика ДВР будет испытывать существенные трудности, в связи с сохранением санкционного режима и неизбежным ухудшением инвестиционного климата, проблемами с доступом к технологиям и постепенным превращением экономики региона в экономику транзита.

Реализация второго сценария, предполагает отмену санкционного режима или как минимум его ослабление, что скорее всего приведет к появлению условий для дальнейшего развития ТР «Юг ДВ – СВК», а в долгосрочной перспективе и формирования ТР «Берингия» ТР «Охотоморье». В этом случае возникает возможность для структурных изменений в экономике ДВР, в которой сырьевые отрасли и отрасли, обеспечивающие транзит, будут дополнены отраслями глубокой переработки сырья, работающими как на отечественный, так и внешний рынок.

Третий сценарий может привести к деградации, но вряд ли к исчезновению, ТР «Юг ДВ – СВК» и появляются возможности для формирования ТР «Берингия». В этом случае возможно привлечение иностранных инвесторов и технологий в минерально-сырьевой

⁸ По мнению ряда экспертов, с которым мы разделяем основная эволюционная логика заключается в том, что Соединенные Штаты будут усиливать свое присутствие в СВА, формируя совместно с Японией и Республикой Корея альянсы, как ситуационные, так и стратегические, направленные на КНР. В свою очередь Китай усиливает уже сложившиеся альянсы с РФ и КНДР. В конечном счете, если это может привести (что, впрочем, не является неизбежным) к тому, что СВА постепенно станет главным полем битвы китайско-американской новой холодной войны.

Однако, вполне возможен и другой вариант развития событий. Вполне возможно, что администрация США может попытаться вернуться к дипломатии «треугольника». С поправкой на то, что теперь слабое звено не Китай, а РФ. См. [19].

⁹ Авторская позиция относительно выявления и оценки геополитических рисков была изложена в [15]. И, если коротко, то к числу наиболее значимых рисков следует отнести: риски нарастания противоречий в отношениях между США и КНР; риски возникновения военного конфликта на Корейском полуострове; риски, связанные с территориальными притязаниями со стороны сопредельных государств и риски с утратой контроля над СМП.

¹⁰ Подходы к определению и исследованию ТР ДВР [1-3, 5, 7, 12-15]

комплекс ДВР, но это вряд ли существенным образом приведет к смене нынешних траекторий развития.

Так как геополитическая ситуация в СВА отличается высоким уровнем турбулентности¹¹, в исследовательский фокус следует поместить вопросы мониторинга, анализа и прогнозирования вызовов и угроз, с которыми сталкивается или может столкнуться РФ и его Дальневосточный макрорегион в АТР. При этом следует иметь в виду, что угрозы связаны не только с обеспечением экономической безопасности, но и безопасности пространственных социально-экономических систем, сложившихся или складывающихся в пределах ДВ, в том числе (а, возможно, и в первую очередь) трансграничных регионов.

Все сказанное выше предполагает, что реальный Поворот на Восток предполагает не «сибиризацию», а выполнение, как минимум, трех условий. Во-первых, будет определена конфигурации ДВ, т.е. объект стратегирования. Во-вторых, четко будут определены не только место, но и роль региона в пространственной организации российского общества. По-нашему мнению, главная цель ДВР – служить связующим звеном между российскими пространствами и субглобальными пространствами СВА и/или АТР. Причем, речь идет именно о пространствах - экономическом, политическом, культурном и т.д. Но есть еще и в-третьих: формирование сети центров принятия решений как в центре, так и в регионе. Как показывает исторический опыт дело не в наличии или отсутствии документа под названием «Стратегия развития ДВ», а в том, чтобы обеспечить координацию центральных и местных органов власти, а также местного самоуправления и бизнес-сообщества на достижении поставленных целей. Только в этом случае система институтов становится адаптивной к изменениям во внешней среде.

Но тогда становится неизбежным организация мониторинга состояния геополитического ландшафта как минимум в пределах СВА и ее соседей по всему периметру границ региона. Это предполагает создание сети (а не просто какого-либо множества) как государственных, так и негосударственных организаций, которые возьмут на себя функции сбора и систематизации соответствующей информации по отдельным геополитическим регионам. Именно регионам, а не странам. Дело в том, что такие страны, как в нашем случае РФ, США, Китай могут быть представлены сразу в нескольких регионах, причем, как правило не целиком, а макрорегионами, таким как ДВ РФ или Северо-Восточный Китай и т.д.

Наконец, необходимо создание опять-таки сети, как государственных, так и негосударственных аналитических центров, которые помимо всего прочего готовили бы специалистов уровня PhD не столько по отдельным дисциплинам (китайская филология или корейская традиционная кухня и т.д.), но - по проблемам (миграционные процессы, трансграничные взаимодействия в СВА и т.п.). Наконец, нужны площадки на которых мог происходить обмен мнениями между теми, кто думают и теми, кто принимают решения.

Заключение.

Геополитика сегодня, это система взаимодействия ведущих мировых цивилизаций. Это значит, что основные геополитические риски для России и для ДВР происходят и будут происходить из существа отношений ведущих цивилизаций мира.

Геополитический ландшафт СВА в обозримой перспективе будет определяться характером и направлением отношений между КНР и США, что ставит ДВР в крайне уязвимое положение. Однако Дальний Восток остается частью России. А сильная Россия, в свою очередь, это гарант безопасности и стабильности Дальнего Востока, это возможность превратить геополитический вызов в геополитическое преимущество.

Но это не действует автоматически. Необходима коренная перестройка институтов, ответственных за социально-экономическое развитие ДВР и прежде всего выработанная геополитическая концепция, которая в свою очередь предполагает формирование сети аналитических центров, осуществляющих мониторинг геополитических процессов в пределах СВА.

¹¹ О природе турбулентности и ее влиянии на геополитическое положение РФ [6,16].

И в этой связи следует обратиться к хорошо забытой классике. В свое время Ф. Бродель сформулировал тезис: «Не существует однолинейной истории» [9, с.17]. Применительно к теме нашего исследования этот тезис можно интерпретировать следующим образом: эволюция таких пространственных систем каковыми являются и ДВР и СВА не может быть описана как поступательное и непрерывное движение к сияющим высотам. В ходе эволюции таких систем может иметь и движение вспять, и стояние на месте и много чего еще.

Литература

1. Бакланов П.Я. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы и направления долгосрочного регионального развития / Материалы XV совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Иркутск: ИГ СО РАН, 2015. С. 209-213.
2. Бакланов П.Я. Геополитические факторы в региональном развитии // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2020. № 4. С. 75-83.
3. Бакланов П.Я. Пространственные структуры и территориальные системы в региональном развитии. Избранное. Владивосток, 2024. 464 с.
4. Бакланов П.Я., Ларин В.Л. Дальневосточные районы РФ в современном российско-китайском взаимодействии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 6. С. 5-16.
5. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
6. Балацкий Е.В. Геополитические вызовы России в условиях глобализации мирового капитала // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2016. Том 15. № 5. С. 638–653
7. Барбенко Я. А., Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Леонтьева Э. О., Мишина Н. В., Украинский В. Н., Ярулин И. Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 73–84.
8. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. – 552 с.
9. Бродель Ф. История и социальные науки: большая длительность / Бродель Ф. Очерки истории. М.: Академический проект; Альма матер, 2015. С.30-60.
10. Волынчук А. Б. Россия в Северо-Восточной Азии: вектор геополитических интересов// Россия и современный мир. 2009. № 3. С.12—134.
11. Демьяненко А.Н. Пространственное развитие: "историческая колея" или "месть географии" / Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века: сборник статей в 6-ти т. Том 2: Как превратить пространство из проклятия в ресурс развития? Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. С. 90-101.
12. Демьяненко А.Н. Методологические проблемы к исследованию трансграничья: Дальний Восток // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 3 (4). С. 22-33.
13. Демьяненко А.Н. Трансграничные регионы дальнего востока: общее и специфичное //Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4 (71). С. 26-37.
14. Демьяненко А.Н., Клиценко М.В. Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России - Северо-Восточный Китай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1 (64). С. 80-94.
15. Демьяненко А.Н., Ярулин И.Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока: вызовы, угрозы и сценарии / Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные и социально-экономические факторы и структуры. Владивосток, 2024. С. 411-419.
16. Дружинин А.Г. Геополитическая турбулентность и ее экономико-географические проекции // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2020. № 2. С. 5—15.
17. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. 384с.

18. Караганов С.А., Козылов И.С. Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 1. С. 221–229.
19. Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2022. 768 с.
20. Ларин В.Л. Современное востоковедение тихоокеанской России (на подходе к 125-летию юбилею) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 44. С. 78-101.
21. Маккиндер Х. О предмете и методах географии. Доклад, прочитанный на заседании Королевского географического общества / Маккиндер Х. Географическая ось истории. М.: АСТ, 2023. С.5-50.
22. Политическая география: Современная российская школа: Хрестоматия / Сост. И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. 544 с.
23. Проблемы обеспечения безопасности Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество. М.: ИДВ РАН, 2015. 384 с.
24. Розман Г. Стратегические размышления о российском Дальнем Востоке. Возрождающаяся Россия оценивает свое будущее в Северо-Восточной Азии. // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень № 5 (203). Владивосток. ИИАЭ ДВО РАН. 2008. 26 с.
25. Спикмэн Н. Дж. География и внешняя политика. Часть первая // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. С. 165–177. Часть вторая // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 171–182.
26. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
27. 9. Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волинчук А.Б. Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа). – Владивосток: Дальнаука, 2007. 338 с.
28. 10. Acharya A. Theorising the international relations of Asia: Necessity or Indulgence? Some reflections // The Pacific Review. April 2017. Vol. 30 (2). P. 1-13.
29. Allison G. The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? // The Atlantic September 24, 2015.
30. Allison G., Blackwill R. Interview: Lee Kuan Yew on the Future of U.S.- China Relations // The Atlantic March 5, 2013.
31. 11. Arase D. The Geopolitics of Xi Jinping's Chinese Dream: Problems and Prospects. Singapore, ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2016. 31 p.
32. 12. Arase, D. China in Northeast Asia: Maintaining Order or Upsetting Order?- Delhi: Institute of Chinese Studies. 2018. 40 p.
33. 13. Emmers R. Geopolitics and Maritime Territorial Disputes in East Asia. L., N.Y.: Routledge, 2012. 188 p.
34. 14. Geo-Politics in Northeast Asia / Ed. by Akihiro Iwashita, Yong-Chool Ha and Edward Boyle. Routledge. London, N.Y. 2023. 240 pp.
35. Gill I, M., Kose A. 5 major risks confronting the global economy in 2024 / Brookings January 17, 2024.
36. Henry Huiyao Wang in dialogue with William C. Kirby at Harvard / CCG Update - Center for China and Globalization Aug 30, 2023.
37. Klaas B. The forces of chance // Aeon Essays 29 October 2024.
38. Lo Bobo. The return: Russia and the security landscape of Northeast Asia // Ifri. 2020, March.
39. Mazzocco I., and Qin (Maya) Mei How U.S.-China Tensions Have Hurt American Science / Big Data China Center for Strategic and International Studies, December 9, 2022, last modified February 7, 2023.
40. Political Confidence and Security Building in Northeast Asia: texts of reports. – Vladivostok: The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEBRAS, 2011. 160 p.
41. Rozman G. Northeast Asia's stunted regionalism: bilateral distrust in the shadow of globalization. Cambridge, 2004. 412 p.

42. Rozman G. Strategic Thinking About the Russian Far East: A Resurgent Russia Eyes Its Future in Northeast Asia//Problems of Post-Communism, 2008. 55. P. 36-48.
43. Rozman G. Strategic Thinking about the Korean Nuclear Crisis: Four Parties Caught between North Korea and the United States. Palgrave Macmillan, 2011. 264 p.
44. Reuber R. Geopolitics / International Encyclopedia of Human Geography. Vol.4. Eds. R. Kitchin, N. Thrift. London: Elsevier, 2009. pp. 441-452.
45. Storey D. Political Geography / International Encyclopedia of Human Geography. Vol.8. Eds. R. Kitchin, N. Thrift. London: Elsevier, 2009. pp. 243-253.
46. Toward an Ideal Security State for Northeast Asia 2025 Edited by L. Gordon Flake// The Maureen and Mike Mansfield Foundation, Washington, D.C. 2010. 208 pp.
47. Wang, Feiling. 'From Tianxia to Westphalia: The Evolving Chinese Conception of Sovereignty and World Order', in G. John Ikenberry, Wang Jisi, and Zhu Feng (ed.) America, China, and the Struggle for World Order, New York: Palgrave Macmillan. 2015. pp. 43-68.
48. Zhang Tuosheng China's Strategic Choices in a Changing World // CHINA-US Focus |Security May 22, 2024/